

Притеснения

Близилась осень, и утренний воздух бодрил своей свежестью. Ли Цинчжо, вышедший во двор в легкой одежде, невольно поежился от резкого порыва ветра, по его коже пробежал озноб.

Наскоро позавтракав, он решил перед открытием лавки замочить одежду, которую сменил вчера. Но едва юноша набрал воды, как его окликнул Чжао Ян.

— Эй, Ли Цинчжо! Наставник еще позавчера велел нарезать астрагал. Почему я сейчас проверил запасы, а работа до сих пор не начата? — Чжао Ян стоял в дверях склада, надрывая глотку так, будто хотел оповестить всю округу.

Задний двор был совсем небольшим, и зычный голос Чжао Яна наверняка слышали даже прохожие на улице. На лице его застыло злорадное выражение — он так и сиял, словно наконец-то поймал соперника на оплошности.

Этот парень, племянник управляющего Чжао Дахао, был таким же учеником лекаря Люя, как и Цинчжо. Зная, что наставник ценит Ли Цинчжо больше остальных, Чжао Ян давно затаил обиду. Он только и ждал удобного случая, чтобы придраться к нему, буквально выискивая соринку в его глазу. И теперь, найдя зацепку, не упустил возможности устроить сцену.

Ли Цинчжо, который и раньше не ладил с этим заносчивым подпевалой, понимал, что тот просто ищет повод для ссоры. Нахмурившись, он ответил:

— У меня распухли кисти, я несколько дней не могу выполнять тонкую работу. Я уже доложил об этом наставнику. К тому же запасы нарезанного астрагала еще не иссякли, задержка на пару дней не оставит лавку без снабжья.

Высушенные корни астрагала — дерево деревом, твердые донельзя. Чтобы нарезать их тонкими, ровными пластинами, нужна недюжинная сноровка и верная рука. Среди всех учеников только Ли Цинчжо владел этим мастерством в совершенстве, поэтому лекарь и поручал эту работу именно ему. Остальные же, хоть и завидовали втайне, в глубине души радовались возможности увильнуть от тяжелого труда.

— О, так я, выходит, зря на тебя напраслину возвел! — язвительно протянул Чжао Ян. — Наставник у нас всегда был строг, но к тебе проявляет поразительное великодушие! А теперь скажи-ка мне, приложив руку к сердцу: ты хоть сам веришь, что достоин его заботы? Будучи учеником в лавке, втихомолку бегаешь переписывать книги ради лишнего гроша, а в итоге калечишь руки. Деньги кладешь в свой карман, а дела аптеки простаивают. И как только совести хватает здесь околачиваться?

Слова Чжао Яна были верхом бесстыдства. Ведь он сам обязан был ежедневно проводить учет лекарственных трав. Наставник велел нарезать астрагал несколько дней назад, а племянник управляющего заметил «недоработку» только сегодня. Очевидно, что всё это время он попросту отлынивал от своих обязанностей.

Ли Цинчжо прекрасно это понимал, но не стал указывать на оплошность. Будучи старшим учеником, он не раз пытался наставить младшего на путь истинный, но тот не только не принимал советов, но и вообразил, будто Цинчжо хочет его выжить. С тех пор они и враждовали.

В конце концов Цинчжо махнул рукой: Чжао Ян — родной племянник управляющего. В отличие от других, его не вышвырнут за одну-две ошибки. Что ж, пусть каждый занимается своим делом.

Ли Цинчжо хотел было закончить этот пустой разговор, но Чжао Ян не собирался оставлять его в покое.

Стряхнув воду с рук, Цинчжо выпрямился и спокойно произнес:

— Я и впрямь брал работу по переписке, но тратил на это не больше получаса в день и никогда не забрасывал дела в лавке. А руки пострадали, когда я разбирал свежие травы и наткнулся на ядовитый шип. Наставник сам перевязывал мне рану. Если не веришь, можешь осмотреть их лично.

— Что за шум? Еще с улицы слышно ваши препирательства! Если перепугаете больных — оба получите палок! — К ним быстрым шагом подошел Чжао Дахао, его лицо не предвещало ничего хорошего.

Чжао Ян, не нашедший достойного ответа на слова Цинчжо, при виде дяди лишь пробормотал приветствие и поспешил скрыться с глаз. Ли Цинчжо тоже не стал медлить: вытерев руки, он поспешил в лавку, чтобы помогать наставнику.

Едва солнце показалось над горизонтом, в аптеку вошли первые посетители. Лекарь Люй вел прием, вдумчиво изучая недуги, а ученики стояли за его спиной, стараясь не пропустить ни слова из наставлений. Один из них торопливо записывал рецепты в тетрадь.

В уезде Люшань было несколько аптек, но «Зал Возвращения Весны» по праву считался одним из лучших. Лавка просуществовала в городе почти век. Семья Чжао, некогда бывшая лишь родом бедных бродячих лекарей, превратилась в почтенных и влиятельных горожан. И столь стремительный взлет стал возможен лишь благодаря доброй славе, которую ковали предыдущие поколения.

Предки нынешнего управляющего вели дела честно и милосердно: летом выставляли у входа прохладный чай для путников, зимой варили имбирный взвар, а в голодные годы раздавали кашу нуждающимся. За десятилетия такой жизни в уезде не осталось человека, который не воспел бы их добродетель.

Благодаря этому лавка росла и крепла, но стоило делам перейти к Чжао Дахао, как над «Залом Возвращения Весны» начали сгущаться тучи.

Нынешний управляющий в корне отличался от отца и деда: его помыслы были мелочны и корыстны. Он не позволял скинуть ни медного гроша даже самым неимущим. К тому же, совершенно не разбираясь в травах, Чжао Дахао ради экономии не раз закупал низкосортное сырье, из-за чего постоянно конфликтовал с лекарем Люем.

Управляющий рассуждал просто: если использовать первоклассные лекарства, больной поправится за пару приемов, и много не заработаешь. А если взять дрянь подешевле, пить снадобья придется долго. Так и на покупке трав сэкономишь, и на продаже больше выручишь — выгода выходила двойная, если не тройная.

Но врачевание — не игра. Лекарь Люй, посвятивший медицине всю жизнь, видел подвох мгновенно. Столкнувшись с подобным «подходом» управляющего, он едва не лишился чувств от гнева и возмущения.

Будучи лишь наемным врачом, Люй, тем не менее, обладал блестящим мастерством. Его пригласил еще покойный отец Чжао Дахао, чтобы тот стал опорой аптеки. Не связывай его с этой семьей давние узы преданности, он бы не просто разразился проклятиями, а в тот же миг хлопнул дверью.

Связанный предсмертным обещанием старому другу, лекарь Люй не мог уйти, но и торговать своей совестью, продавая гниль, он не собирался. Поступил он просто: сказался больным и перестал выходить в лавку. А без его рецептов больные, разумеется, обходили аптеку стороной.

Отец Чжао Дахао ушел из жизни внезапно, не успев научить сына всем тонкостям ведения дел. Перед смертью он лишь заклинал его во всём слушаться лекаря Люя.

Но Чжао Дахао, ослепленный жадой наживы, пренебрег советами. Он принялся спекулировать зерном и лекарствами, но в итоге лишь растратил семейное достояние. И тогда он вновь обратил взор на лавку.

Поняв, что Люй не выйдет, пока тот не уступит, Чжао Дахао попытался проявить характер: нанял врача из другого уезда. Тот был покладист и во всём поддакивал хозяину, но не прошло и полугода, как пациенты почуяли неладное.

Конкуренты из других аптек быстро разгадали его хитрую схему. По городу поползли слухи, что в «Зале Возвращения Весны» подсовывают мусор вместо лекарств. Хорошая слава лавки

таяла на глазах.

В конце концов лекарь Люй, не в силах видеть, как прахом идет дело всей жизни его благодетеля, подавил гнев и вернулся. Он заставил Чжао Дахао выбросить все негодные травы, а в оправдание пустил слух, что их самих обманули нечестные поставщики. Несколько лет он принимал больных без платы за осмотр, и лишь титаническими усилиями сумел вернуть аптеке былое величие.

Лекарь Люй фактически спас «Зал Возвращения Весны» от разорения, но Чжао Дахао вместо благодарности лишь сильнее затаил на него обиду. Понимая, что без старика лавке конец, он решил отправить к нему в ученики своего сына.

Управляющий мечтал, что, когда свои обучат мастерству, надобность в «чужом» лекаре отпадет, и лавка перестанет завидеть от его прихотей. План был хорош, да только вот сын Чжао оказался на редкость никчемным. Избалованный и ленивый, он не помышлял ни о чем, кроме плотских утех, и наука о травах вызывала у него лишь скуку.

Видя, что из него ничего не выйдет, Чжао Дахао привел племянников из дальних ветвей рода. Лекарь Люй, видевший, как рос сам управляющий, прекрасно понимал его мотивы. Сердце его обливалось кровью от такой несправедливости, но он продолжал добросовестно учить каждого.

Старик надеялся: если хоть кто-то из семьи Чжао переймет его знания, он сможет со спокойной душой уйти на покой, лишь бы больше не видеть лица этого алчного человека.

Однако врачевание — не пахота: здесь мало быть просто прилежным. Нужно понимать суть болезни, знать каждую травинку и владеть искусством их приготовления. Родственники Чжао, не имея призвания, просто отбывали время в лавке.

Когда Люй прямо сказал об этом управляющему, тот лишь отмахнулся: мол, молоды еще, за пару лет наберутся опыта.

Однажды, осматривая госпожу Чэнь, лекарь Люй заметил её сына, Ли Цинчжо. Он взял юношу в ученики, и всего через полгода стало ясно: Чжо-эр — настоящий самородок. Лекарь не жалел сил, передавая ему все тонкости ремесла, и это рвение наставника к чужаку лишь сильнее распаляло неприязнь Чжао Дахао.

Из-за всех этих интриг семья Чжао всегда относилась к Ли Цинчжо с опаской и недоверием.

Даже под крылом наставника юноше за эти годы пришлось перенести немало обид и притеснений. Но он не обращал на это внимания. Цинчжо знал: чтобы овладеть истинным знанием, нужно пройти через трудности и лишения. Тратить душевные силы на пустых людей было бы непросительной глупостью.

Оставив утреннюю стычку позади, Ли Цинчжо ловко взвешивал и раскладывал лекарства согласно рецептам. Сворачивая пакеты, он подробно объяснял каждому посетителю, как варить отвар и как его принимать.

Проводив очередного гостя, юноша уже собирался вернуться в лавку, как вдруг услышал звонкий, радостный голосок:

— Второй брат!

Цинчжо обернулся и увидел Ли Маосяня вместе с Ли Цинхуном и Ли Цинвэнем, стоящих у входа. На его лице мгновенно расцвела счастливая улыбка:

— Отец! Сынок! Как вы здесь оказались?

Отец с сыновьями пришли к аптеке уже давно, но, боясь помешать торговле, ждали в стороне, пока Цинчжо освободится.

— Пришли в уезд за клейким рисом, ну и решили тебя проведать, — ответил Ли Маосянь.

Ли Цинчжо на миг опешил. Он знал, что запасы зерна дома на исходе, но ожидал, что отец купит дешевое сорго. Зачем им понадобился дорогой рис?

Не дожидаясь вопроса, Ли Цинхун восторженно затараторил:

— Второй брат, Сынок научился делать сахар из риса! Наша семья уже выручила немало зерна за него. Теперь вот рис и пшеница закончились, пришлось идти за новыми. Мы уже были здесь на днях, но тебя не застали, а то бы ты уже попробовал его солодовый сахар!

Ли Цинчжо еще не успел переварить услышанное, как Ли Цинвэнь уже протягивал ему белый, твердый кусочек лакомства.

— Сынок, ты все-таки поберег его и не съел! — удивился Ли Цинхун, и ему стало немного неловко. Сахар был на продажу, его нельзя было есть просто так, и каждому дома дали лишь по кусочку. Свой он уже давно съел, не удержавшись.

Цинчжо машинально приоткрыл рот, и по его языку тут же разлилась нежная сладость с тонким ароматом.

— Как вкусно... — выдохнул он.

Сынок довольно зажмурился:

— Раз тебе нравится, в следующий раз принесу побольше!

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, мягко ложились на лицо младшего брата. Ли Цинчжо почувствовал, как в глазах начало щипать. Он протянул руку и нежно погладил Ли Цинвэня по голове, не в силах вымолвить ни слова.

Его брат, который еще недавно шагу не мог ступить без посторонней помощи и вечно заставлял всех тревожиться, вдруг стал таким заботливым и рассудительным. Цинчжо казалось, что он видит прекрасный сон.

Хоть они и не виделись много дней, Ли Маосянь понимал, что нельзя задерживать сына слишком долго. Он достал из заплечного мешка сверток с лепешками из сорго, которые матушка Чэнь напекла ни свет ни заря.

— Так много?! — Цинчжо принял узелок, и его рука невольно опустилась под весом угощения.

— С едой в доме теперь стало не так туго, вот мать и положила побольше, — Ли Маосянь достал связку медных монет и протянул сыну. — Чжо-эр, скорее верни лекарю долг за снадобье для матери.

— Не нужно, отец. Травы куплены не в долг. Я заплатил за них деньгами, что выручил за переписку книг, — Ли Цинчжо мягко отвел руку отца.

<http://bllate.org/book/15828/1428930>